

ние книг писателям (в большей степени из русской провинции, чем из Москвы) не менее 10 миллионов рублей. И это не считая денег, выделенных писателям из краёв и областей России, когда им не хватало средств расплатиться по договорам с местными издательствами. Но мы всегда выручали их, оплачивая долги, возникающие на местах из-за различных обстоятельств.

Сколько я себя помню — вот уже десятилетие с лишним газетные шавки из «Лит. России», из поляковской «Литгазеты», из «Московского комсомольца» и даже из «Советской России», а иногда и с экранов ТВ обвиняли Переверзина в том, что он, ремонтируя и благоустривая переделкинские дачи, отдаёт их тут же своим дружанам, своим верным опричникам. Чего в таких утверждениях больше — глупости или подлости, — не знаю. Да, действительно, несколько дач решением бюро были выделены писателям, работающим в двух Литфондах и в МСПС. Ю. Конопляников, В. Фёдоров, В. Середин приезжали на работу с утра и возвращались домой вечером. Кстати, Середин, работая с Переверзиным, вот уже год как съехал со своей переделкинской дачи.

Но сколько дач было отдано «вольным сынам эфира» — которые не являлись ни «слугами», ни «опричниками» Переверзина... Наталья Иванова, заместитель главы журнала «Знамя». Либералка. Наш идейный враг. По случайности у неё сгорела дача. Не кто-нибудь, но сам Переверзин предложил: надо ей дать другую, освобождающуюся, — и сразу дали. Андрею Дементьеву выделили дачу блестяще отремонтированную, с иглолочки. А кто он нам — не слуга, не единомышленник. Известный поэт. На, получи. Захар Прилепин. На съезд недавний его не пригласили, делегатом не выбрали — но трудно ему жить между Нижним Новгородом и Украиной. В Москве хоть какой-то угол надо иметь. Я предложил, Иван поддержал. А кроме этих — сколько другим, которые ни капли коньяка с Ивановым не выпили, не обнялись ни разу, а дачи получили — это Александр Сегень, Геннадий Гусев, Юрий Кузнецов, Евгений Шишкин, Бронтой Бедюров (негде было жить), это Валентин Устинов (вечная ему память), это Амарсана Улзытуев, сын великого Дондока, член Союза писателей, это Владимир Силкин, это Виктор Пеленягрэ, это дочка Ахмадуллиной, это вдова Вознесенского и т.д. Хватит брехать, ребята!..

II. Волна единодушия

Несколько комментариев к статье А. Боброва «На волне единодушия», опубликованной на сайте «Российский писатель» 16.02.2018 г.

«Россия держится на Иванах, а вот Союз писателей России держался в последние месяцы на Ивановых: Геннадии — первом секретаре правления, и особенно — Николае, исполнявшем обязанности председателя правления. Без копейки государственной помощи они в условиях ремонта сохранённого для писателей здания на Комсомольском проспекте вели на коленке подготовку 15-го съезда Союза писателей. <...> Съезд удался».

Но почему Союз писателей «держался в последние месяцы»? Как мне помнится, оба Ивановых вошли в руководство Союза писателей на калужском съезде, осенью 2013 года. Так что у двух Ивановых, чтобы подготовиться к 15-му съезду, было аж четыре с половиной года, чтобы отстоять все три этажа нашего особняка (отстояли, вернее получили от государства лишь один). Было время и позаботиться о бюджете из государственных средств, что с успехом делают руководители других творческих союзов — киношники и театралы. А то недавно один из Ивановых (Геннадий) в день вручения Большой литературной премии (средства для неё нашёл журнал «Наш современник») горестно заявил: **«А мы ведь на Комсомольском забыли, когда получали зарплату»**, — об этом же с наивной про-

стойкой, что хуже воровства, поведал нам в своём письме съезду Николай Дорошенко: **«Когда нам запретили сдавать в аренду какие-либо свои помещения и вынуждены были мы работать без зарплаты, все, кто у нас в правлении искал лишь "счастья и чинов", сами куда-то испарились, остались люди, относящиеся друг к другу с высочайшей степенью доверия, а к своей работе — с высочайшей степенью ответственности и уважения. И все мы теперь ходим на работу, как на праздник. И те писатели, которые к нам в последнее время сами пришли и теперь, засучив рукава, трудятся в аппарате правления (появились у нас даже две девушки в качестве волонтеров!) — все оказались для нас людьми родными».** А я помню, как ещё недавно при Ганичеве и при ещё здравствовавшем Лыкошине в аппарате Союза писателей было более тридцати сотрудников, и все вплоть до уборщицы получали зарплату, как получают сегодня в Литфонде. Но в этом дорошенковском плаче есть большая доля лукавства, ибо вплоть до последнего времени государство выделяло Союзу писателей около 20 миллионов рублей в год на писательские гранты. Естественно, что немалая часть этих денег шла на поддержку высшего руководства и аппарата, о чём в съездовском отчётом доклада не было сказано ни слова.

Всё это было уже в новое время — около 20 лет тому назад вскоре после того, когда команда Ганичева на съезде в 1994 году пришла к власти. А что теперь? Делегаты едут на съезд на свои деньги, зарплата не платится никому из сотрудников аппарата, коммунальные платежи помогает выплачивать Литфонд под руководством ненавистного Ивановым «поэта-хозяйственника» Переверзина, а остатки некогда многолюдного аппарата (скорее всего, это охранник и уборщица), по словам Дорошенко, «ходят на работу как на праздник». Словом, всё, как в романе Эрнста Хемингуэя: «Праздник, который всегда с тобой». И ещё из творчества Дорошенко: «Появились у нас даже две девушки в качестве волонтеров!» И два Ивановых «на коленке» в компании с двумя волонтерками готовят проведение юбилейного 15-го съезда. Потому-то он и получился таким провальным.

Ты, Саша, неосторожно и легкомысленно пишешь: «Некоторые ветхозаветные старцы сначала в лице старшего друга Станислава Куняева затеяли опосредованный приход к власти поэта-хозяйственника Ивана Переверзина, — и после этого добавляешь: — Как я понял на совещании на привычной с советских времён Старой площади, этой кандидатуры испугались и в Администрации Президента». А чего было её, «этой кандидатуры», бояться, Саша? Она была уже известна всем чиновникам Старой площади, курировавшим культуру около десяти лет... И все эти чиновники — и со Старой площади, и в Министерстве культуры — прекрасно знали, что Переверзин в 2013 году на калужском съезде писателей присутствовал не как чужак, авантюрист и неизвестно кто, а как наш товарищ, выбранный калужским съездом одним из четырёх заместителей Ганичева, по воле последнего, безо всяких дискуссий, сопровитвления зала и возражений. Вместе с ним были выбраны ещё трое заместителей Ганичева: актёр Михаил Ножкин, писатель Владимир Крушин и Сергей Котьяло. Не стыдно ли тебе, Саша, делать вид, что ты не знаешь таких простых вещей? Кстати, и Игорю Янину, знающему, как семейство Ганичевых (он сам, дочь Марина, и «друзья семьи») более 20 лет властвует в Союзе писателей, озвучивать на весь наш 15-й съезд «сенсационную новость» о «кумовстве» и о родственных отношениях Владимира Толстого и Сергея Шаргунова?

А между прочим, Саша, ты, наверное, согласишься, что я лучше всех вас знаю состояние литературной жизни «от Москвы до самых до окраин», потому что у меня за плечами 60 лет пребывания в Союзе писателей и 30 лет работы в журнале «Наш

современник», где при мне печатались лучшие произведения сотен прозаиков, поэтов, критиков, литературоведов России. И я не зря подумал: а что, если нам создать руководящую триаду — меня, лучше всех знающего, кто есть кто в сегодняшней литературе, Ивана Переверзина — не только талантливого организатора (когда о нём говорят со злобой «поэт-хозяйственник», я жалею, что это не обо мне, которому не хватает хозяйственной жилки), но и талантливого писателя (те, кто его хает, забыли, что его как прозаика заметил Распутин, а как поэта всегда печатал Юрий Кузнецов), а третьим пригласить полного сил, самолюбивого и справедливого в своих оценках Сергея Шаргунова. Именно этот вариант мог стать подлинной победой нашего съезда. А тот выбор, который вы сделали сейчас с помощью небывалой агитации с твоей стороны, Саша, не говорю уж об интернете, о Дорошенко и Огрызко, снова закрепит ивановско-дорошенковско-волонтерский стиль бюрократической жизни, видимости работы и продолжающегося застоя в нашей литературе. Ещё один комментарий, Саша. Последний.

Ты пишешь: **«Я в отличие от всех перечисленных ("ветхозаветных старцев" — Ст. К.) не получал от Союза писателей (от власти!) ни квартиру в центре Москвы, чтобы её сдавать, ни дачи в Переделкино, ни государственной премии».**

Я тоже не получал от власти квартиру в центре Москвы, я её построил на собственные деньги в писательском кооперативе в районе метро «Аэропорт». Как въехали мы в неё с женой 60 лет тому назад, так и живём в этих двух комнатках. У меня даже и рабочего кабинета нету, пишу так же, как Геннадий и Николай Ивановы, «на коленке». Но всё получается не хуже, чем у них. Издал за последние четверть века книг пятьдесят, если считать все переиздания. Конечно, удобнее было бы всё это на даче в Переделкино писать, но я получил её лишь на 83-м году жизни, после 20-летнего ожидания в очереди. И после шести лет (с 2008-го по 2013-й) работы на посту председателя президиума Международного литературного фонда. Так что, Саша, внешние бытовые условия наши не очень отличаются друг от друга. Правда, есть у меня три премии: Государственная РФСР имени А.М. Горького (советская), Патриаршая премия и премия Союзного государства за перевод на русский белорусского эпоса «Песня о зубре». Но это случилось, наверное, лишь потому, что я пил всё-таки меньше тебя и, главное, никогда не опохмелялся.

III. Аксакалы и «комсомольцы»

Вот мы и собрались — несколько «калужских» сопредседателей Ганичева — за неделю до съезда и неожиданно узнали, что у двоих из нас — Ивана Переверзина и Станислава Куняева — нет делегатских мандатов, что в результате работы «на коленке» деятелей с Комсомольского проспекта (далее буду называть их «комсомольцами»): секретаря правления Союза писателей России Геннадия Иванова и его прямого начальника Николая Иванова, исполняющего обязанности Валерия Николаевича Ганичева, — двое из руководителей (сопредседатель и заместитель-председателя) лишены возможности быть полноправными делегатами съезда... Гостями — пожалуй, а без права голоса и права быть избранными... В этот день ещё было не ясно, кто будет баллотироваться на должность председателя союза... А может быть, ещё и сам Ганичев найдёт в себе силы выдвинуть себя в пятый раз на первую роль.

Я чувствовал, что мне соглашаться не в руки, что со своими глазами и со своей усталостью от работы в журнале — пропаду... Но одновременно вспоминал, как мы защищали этот дом от евтущенковских наёмников в 1991 году, как я разорвал их документ на право закрытия нашего дома префектом Музыкантским. И тут в

моём сознании с помощью Алика Лиханова возникла фамилия Шаргунов. Но дело было не только в Шаргунове, а в том, что я был уязвлён обманом ганичевских опричников Ивановых. Тоже мне офицеры! Честь имею! Имеешь честь — так не бойся дать слово ветеранам, не интригуешь, тасуя делегатские мандаты, словно колоду карт: кому дать, кому не дать! Кстати, как ты думаешь, Саша, легко ли мне было осознавать, что, имея некоторые серьёзные заслуги — три высших литературных премии, несколько десятков книг, не лежащих на магазинных полках, а переиздающихся и востребованных, тридцатилетнее руководство журналом, который затмил славу и «Нового мира», и «Знамени», и «Октября», об остальных и говорить-то нечего, — за неделю до съезда вдруг узнать, что делегатом не выбрали не только меня, но и ни одного из членов Союза писателей, работающих в «Нашем современнике»: ни Сашу Казинцева, ни Сашу Сегеня, ни Сергея Куняева, ни Евгения Шишкина... Словом, два Ивановых, на которых, как ты пишешь, «Союз писателей России держался в последние месяцы», сделали всё, чтобы на съезде не присутствовал никто из «Нашего современника».

— Станислав Юрьевич, — вытаращив свои искренние и бессовестные глаза, заверещал Геннадий Иванов. — Вас всегда выбирала калужская писательская организация, я сам договорился с Вадимом Терехиным, что Вы идёте от Калуги. Звонил ему раза четыре.

Тогда я сам звоню в родную Калугу, как-никак, если меня на родине за писателя не считают, то всё-таки, может быть, вспомнят, что я почётный гражданин Калужской области. Слышу в ответ звонкий, уверенный в себе голос руководителя Калужской писательской организации Вадима Терехина:

— Станислав Юрьевич! Никакой Гена Иванов мне в Калугу не звонил ни разу, ничего о Вас не говорил, поэтому от Калуги мы выбрали двух делегатов: меня и Серёжу Михеенкова из Тарусы, — то же самое подтверждают мои писатели-земляки Андрей Убогий, Юрий Убогий, Вячеслав Бучарский, Рудольф Панфёров...

А тут ещё кто-то из друзей приволок огрызковскую газетку, из которой я понял, что Огрызко всё знает лучше меня: **«Инициатором этой борьбы (за председательский пост) является опытный интриган Станислав Куняев. Пару недель назад он не обнаружил себя любимого в списке делегатов. Раньше его на писательские съезды избирала Калужская писательская организация. А в этот раз калужане, видимо, решились, что есть более достойные люди, способные отстаивать на съезде интересы не двухтрёх престарелых литературных генералов, а всего писательского сообщества. По сути, они отказали главному редактору журнала "Наш современник" в своём доверии».**

Ну, лопухнулись с Калугой, а врать-то зачем?

Ганичев на калужском съезде был умнее обоих Ивановых, или даже всех троих, если считать Котьяло, выходца из этого же клана, когда в ответ на мою жёсткую, но справедливую критику работы руководства союза он, тем не менее, предложил мне чуть ли не сквозь зубы должность сопредседателя в системе руководства.

Уже будучи на съезде благодаря Бояринову, который выделил мне из своей «московской квоты» удостоверение делегата, я свёл Геннадия Иванова с Вадимом Терехиным: одного взял за полу пиджака левой рукой, другого правой и спросил спокойным голосом: «Ну, кто из вас врёт? Сознавайтесь!». Оба «комсомольца» испуганно глядели друг на друга и молчали... «Эх, вы, а ещё поэтами называются!» — я плюнул им под ноги, растёр плевки и пошёл выступать к микрофону, где меня тут же «захлопали» несколько крепких мужиков, сидевших в зале в разных местах, и несколько научившихся говорить «честь имею!» визгливых баб. «Клакеры и кла-